

«Неужели это ловушка?»

Наследный принц всю дорогу мучился подозрениями, прокручивая в голове один коварный замысел за другим.

Осторожно, в полной растерянности он приблизился к Залу покаяния. И лишь когда продумал все возможные пути отступления и ответы, решительно шагнул за порог.

Увидев Наследного принца, Юй Нин даже не смог выдать удивления — силы были на исходе.

Наследник явился в парадных одеждах. Рукава его одеяния были столь широкими и длинными, что за ними легко уместилась целая вселенная: оттуда он извлек две мясные колбаски, запечатанный сосуд с ласточкиным гнездом и — ко всему прочему — книгу.

Наследник пододвинул сосуд с ласточкиным гнездом к Юй Нину. Тот воззрился на угощение с глухим оцепенением — в него больше ничего не лезло.

Принц тяжело вздохнул:

— Сяо Ци, почему ты не ешь? Всё ещё таишь обиду на старшего брата?

— Вовсе нет, — ответил Юй Нин.

— Точно таишь.

Юй Нин промолчал.

Он действительно не злился. Он просто физически не мог сделать больше ни глотка. Обычно по вечерам он ел совсем мало, а сегодня его по очереди навестили трое и буквально закармливали до отвала: пироги с османтусом, куриные ножки, мандарины, свиная рулька, вяленая оленина, парное молоко...

И всё же, уступив жалобному взгляду брата, он заставил себя проглотить ложку ласточкиного гнезда.

Лишь заметив это, Наследный принц удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Но если ты всё же винишь меня, я пойму. Ох, Сяо Лю тоже дуется, слова из него теперь не вытянешь. А Сяо Сы и вовсе готов на меня с кулаками наброситься. Кому ещё мне излить душу, кроме тебя, Сяо Ци? Скажи, ну как они могут быть такими неблагодарными? — Наследник сокрушенно покачал головой. — Я ведь старался ради твоего же блага!

Юй Нин молча скосил глаза в темный угол Зала покаяния.

Принц устало потер виски.

— А ведь завтра утром в Императорской академии меня ждет встреча со старшей сестрой. Даже представить страшно, какую бурю она устроит...

— Брат, прошу, замолчи, — поспешно перебил его Юй Нин.

— Но почему? Кому, как не тебе, мне это высказать? Сяо Ци, ты ведь у меня такой умный и понимающий, ты просто обязан оценить мои благие намерения!

— Я всё понимаю, брат, — взмолился Юй Нин. — Но тебе правда лучше замолчать.

Заметив, что Наследник вновь собирается открыть рот, Юй Нин торопливо заговорил, пытаясь предотвратить неизбежное:

— Твое наказание действительно пошло мне на пользу. Если бы супруга Бай и отец увидели покалеченную Четвертую сестру, их гнев обрушился бы на меня куда сильнее. Твое решение было мудрым и осмотрительным, и я глубоко благодарен тебе за то, что ты навестил меня ночью.

Он действительно всё понимал. Но умолял брата остановиться лишь потому, что...

— Я так и знал, что в тебе не ошибся! Ты не то что эти...

Юй Нин резко поднялся и ладонью зажал брату рот.

Наследник недоуменно захлопал глазами.

Седьмой принц и сам толком не знал, как объяснить свой порыв, и просто глупо застыл, глядя на брата. К счастью, снаружи раздался шорох, избавив его от необходимости оправдываться.

Наследный принц кивнул, показывая, что всё понял, и Юй Нин убрал руку.

«Неужели мне показалось, или от ладони Сяо Ци и правда пахло сладким пирогом?»

Размышления прервались сами собой, едва он разглядел три силуэта, сжавшиеся в углу.

Наследный принц:

—...

Старшая принцесса:

—...

Юй Бэйчжэн:

—...

Шестой принц:

—...

В воздухе повисла звенящая, почти осязаемая тишина. Она давила на плечи, грозя вот-вот взорваться грандиозным скандалом.

К счастью, больше никто в двери не ломился — снаружи всего лишь проходил дозор стражи Императорской академии. Шаги стражников медленно удалялись. Знали ли они, какая внушительная компания собралась в Зале покаяния, оставалось лишь гадать.

Едва дозор скрылся, Наследный принц разразился яростным шепотом:

— Так я и знал! Какое счастье, что я решил всё лично проверить! И кого же я здесь застал?!

Троица хранила угрюмое молчание.

Шестой принц уставился на брата с абсолютно бесстрастным выражением лица. Юй Бэйчжэн скривился, явно собираясь съязвить, но в последний момент сдержался.

Старшая принцесса лишь пренебрежительно фыркнула. Во взгляде, который она бросила на Наследника, читалось предельно ясное: «И у тебя еще хватает наглости нас отчитывать?»

— Кхм, — кашлянул принц, теряя запал. — Живо поднимайтесь и убирайтесь отсюда!

Сгорая от неловкости, но действуя удивительно слаженно, все четверо выбрались из своего укрытия и принялись выкладывать перед Юй Нином принесенные припасы.

Стоило Юй Бэйчжэну заметить принесенный Наследником свиток, как он не выдержал и нарушил тягостное молчание:

— Невероятно! В такой час второй брат додумался притащить Сяо Нину книгу! Какое изощренное издевательство!

— Что ты в этом смыслишь? — огрызнулся Наследник. — Не суди со своей колокольни неуча о Сяо Ци, который по-настоящему тянется к знаниям.

Старшая принцесса бережно накинута на плечи Юй Нина красный плащ и натянула ему на голову глубокий капюшон.

— Если устанешь, завернись поплотнее и ложись спать прямо так.

— Хорошо, — тихо кивнул мальчик. — Возвращайтесь во дворец. Не беспокойтесь обо мне.

Разве могли они не беспокоиться? И всё же, увидев его лично и оставив гору еды, они немного успокоились. Компания неспешно побрела к выходу.

Оказавшись у главных ворот Императорской академии, братья и сестра не знали, куда девать глаза от стыда под невозмутимыми взглядами стражников. Наследнику досталось больше всех.

Теперь-то до него дошло, почему при его появлении караульные без лишних расспросов поспешили распахнуть двери.

Шестой принц испуганно шмыгнул поближе к Наследнику, боясь, как бы стража не поинтересовалась, нашел ли он свою «забытую» книгу.

Один лишь Юй Бэйчжэн шествовал с самым независимым видом, высоко задрав подбородок. Старшая принцесса держалась столь же величаво.

Стоило им выйти за ворота, как шаг их сделался нерешительным.

— В Зале покаяния так темно... — вздохнул Шестой.

— Если бы там было светлее, разве мы смогли бы там спрятаться? — резонно возразил Юй Бэйчжэн.

— И всё же... Вдруг Сяо Нин испугается в одиночестве? Вдруг он заплачет?

— Хм...

Они почти остановились. Прямо перед ними в воздухе проплыл одинокий светящийся огонек.

Глаза Шестого принца радостно блеснули:

— Светлячок! Для Сяо Ци!

Старшая принцесса мягко улыбнулась:

— Чудесно. И посветит ему, и скуку развеет. Отличная мысль!

Все четверо горячо поддержали эту затею.

Беда лишь в том, что светляки тучами кружат знойным летом, а в начале осени их днем с огнем не сыщешь. По берегам извилистого канала, прозванного Драконьей рекой, мелькали лишь редкие искорки, поймать которые стоило немалых трудов.

Шестой принц на скорую руку сплел из сухой травы кривобокую клетку — достаточно плотную, чтобы пленники не разлетелись, и в то же время пропускающую их мягкое сияние.

Они исходили немало верст вдоль берега, прежде чем травяной фонарик по-настоящему ожил.

Сквозь прутья зеленой корзинки заструился призрачный изумрудный свет — крошечные огоньки плавно кружили внутри, словно крохотные духи с фонариками.

— Сяо Нину точно понравится, — Юй Бэйчжэн вытер пот со лба, оставив на лице грязный серый след.

— Угу! — кивнул Сяо Лю. Подол его одеяния совсем промок от обильной речной росы.

— Возвращаемся, времени почти не осталось, — поторопил их Наследник.

Они повернули назад. Казалось бы, очередная встреча со стражниками сулила новую волну стыда. Однако караульные, завидев их, распахнули ворота без единого слова.

Шагая обратно к Залу покаяния, Юй Бэйчжэн хмыкнул:

— А стража у нас сообразительная.

Проторенной дорогой идти всегда легче. Войдя в раж, Юй Бэйчжэн без стука толкнул тяжелую дверь Зала покаяния:

— Сяо Нин, мы...

Сноп лунного света ворвался внутрь, озарив силуэт Старшего принца.

Юй Бэйчжэн осекся на полуслове:

—... Э-э... Приветствую, старший брат. Какая неожиданная встреча.

Разумеется, каждый из присутствующих прекрасно понимал, зачем они все здесь собрались среди ночи.

Старший принц сидел в своем кресле-каталке. Когда он повернул голову, его лицо оставалось бесстрастным, точь-в-точь как во время занятий в Императорской академии. Но это спокойствие разительно отличалось от того, как они обычно общались.

Юй Бэйчжэн почувствовал смутную тревогу.

Медленно окинув взглядом замершую у порога четверку, Старший принц ровным голосом произнес:

— Вовсе не совпадение. Я здесь, дабы забрать Сяо Ци. Отец смиростивился и позволил ему вернуться во Двор Белого Лета, чтобы продолжить покаяние там.

— Правда?! Какое счастье! — воскликнул Юй Бэйчжэн.

Шестой принц согласно угукнул.

Наследный принц недоверчиво посмотрел на старшего брата:

— Ты ходил к отцу просить за него? И отец так легко согласился?

Старший принц лишь едва заметно кивнул и повернулся к Юй Нину:

— Собирайся, уже очень поздно.

— Да-да, Сяо Нин, скорее уходим! — Юй Бэйчжэн подскочил к мальчику и, схватив за руку, потащил к выходу. — Я так и знал, что у отца не поднимется рука оставить тебя здесь на всю ночь!

Заметив, что Юй Нин уже на пути к дверям, Сяо Лю поспешно подошел к креслу Старшего принца и взялся за поручни, помогая катить его.

Наследный принц и Старшая принцесса держались чуть поодаль, сопровождая младших на пути к Двору Белого Лета.

— Сяо Нин, что на самом деле произошло на поле для верховой езды? — спросила принцесса.

Наследник тоже выжидающе посмотрел на Седьмого принца.

По дворцу уже вовсю ползли грязные слухи. Согласно официальной версии, Юй Нин внезапно натянул поводья, из-за чего его лошадь испугала скакуна Четвертой принцессы, и та вылетела из седла. Но вот о причинах такого поведения, о тяжести увечий девчонки и о том, не оклеветала ли она брата, спорили на каждом углу.

Юй Нин не успел открыть рот, как за него вскипел Шестой принц.

Пусть в момент падения он стоял поодаль, но все же расслышал обрывки их разговора. Тогда от испуга его мысли спутались, но теперь, успокоившись, он сопоставил факты:

— Она заявила, будто Сяо Ци сам погубил свою матушку! Она злая! Гнусная девчонка!

— Какая мерзость! — лицо Старшей принцессы исказилось от гнева. Она лучше других понимала, какой раной эти слова отозвались в сердце ребенка, выросшего сиротой и бережно хранившего память о матери. На ее лбу пролегла глубокая складка, а в голосе зазвенела сталь: — Как у нее только язык повернулся сморозить подобную глупость?!

— Паршивка! — процедил сквозь зубы Юй Бэйчжэн.

— Семилетняя девочка не могла знать подобных подробностей, — негромко заметил Старший принц.

Принцесса нахмурилась еще сильнее. В ее глазах промелькнуло глубокое отвращение. Похоже, в этот миг она приняла какое-то важное решение.

Юй Нин хранил молчание. Внезапно он остановился как вкопанный, глядя куда-то вдаль.

— Сяо Нин, что случилось? — спросил Юй Бэйчжэн и проследил за его взглядом.

У ворот Двора Белого Лета сиял приветливый огонек. Посреди ночной прохлады там стояла няня Линь с дворцовым фонарем в руках.

Юй Нин замер на месте, словно напроказивший ребенок, не решаясь сделать и шагу навстречу своей верной кормилице.

В ушах мальчика вновь зазвучал ядовитый голосок Четвертой принцессы:

«Твоя матушка погибла из-за тебя».

«Об этом знают все наложницы и няньки в императорском дворце».

Наследный принц мягко положил руку ему на плечо:

— Сяо Ци, ступай. Няня ждет тебя. Завтра тебе разрешено остаться дома и как следует отдохнуть.

Шестой принц протянул ему травяной фонарик. Пусть теперь дорога была освещена, светлячки все еще могли скрасить его одиночество этой ночью.

Юй Нин благодарно кивнул, взял подарок и неспешным шагом направился к няне Линь.

— Няня, я вернулся.

— Идем в дом, дитя, — ласково отозвалась старушка, поворачиваясь и поднимая фонарь повыше, чтобы осветить ему путь.

Переступив порог, Юй Нин обернулся и искренне улыбнулся оставшимся за воротами фигурам:

— Спасибо вам, сестра и братья.

Пятеро провожающих еще долго стояли в безмолвии под сенью ночного неба, прежде чем разойтись по своим покоям с тяжелым сердцем.

Войдя в дом, Юй Нин тихо произнес:

— Няня, я уже поел. И сытно.

— Вот и славно, — мягко ответила няня Линь. — Седьмой принц быстро растет, пропускать ужин никак нельзя.

Юй Нин слабо кивнул, замерев посреди комнаты. Нужные слова крутились на языке, подступали к самому горлу, но он раз за разом сглатывал их, не решаясь озвучить главный вопрос.

— Тебе тоже нужно лечь пораньше, няня.

— И вам, Ваше Высочество. Горячая купальня давно готова, погрейте косточки перед сном.

Старушка собралась было уйти в свои покои, как вдруг Юй Нин сделал стремительный шаг вперед и ухватился за ее рукав:

— Няня... смерть матушки... была ли она связана со мной?

Няня Линь медленно обернулась.

Перед ней стоял уже не пухлый младенец, а хрупкий, изящный отрок. В чертах его лица отчетливо проступал благородный облик покойной матери — редкая, почти неземная красота. Он унаследовал и ее нрав: кроткий, созерцательный, исполненный врожденного достоинства.

Но сейчас в его чистом взоре сквозило такое отчаяние, что казалось, скажи она хоть одно неосторожное слово — и это хрупкое дитя рассыплется в прах.

Он без памяти любил мать и тосковал по ней каждую минуту. И пусть ее образ со временем подернулся дымкой забытья, долгие годы Юй Нин цеплялся за скупые воспоминания и ее предсмертный наказ — жить во что бы то ни стало.

Няня Линь знала об этом лучше всех на свете.

— Няня, это ведь я... я виновен в ее гибели?

— О чем вы говорите, Ваше Высочество? — испуганно всплеснула руками няня. — Разумеется, нет! Даже не думайте о подобном вздоре!

\*\*\*

В этот вечер Си Тин вернулся в свои апартаменты глубокой ночью.

Стоило ему переступить порог, как сенсоры робота-дворецкого мгновенно зафиксировали в его крови критический уровень алкоголя.

Механический слуга зашуршал манипуляторами и поспешил приготовить антипохмельный отвар. Намереваясь поднести чашу хозяину, стягивающему парадный мундир, робот вдруг забавно накренил квадратную голову, демонстративно прошествовал мимо Си Тина и водрузил питье на письменный стол в кабинете.

Уловка была шита белыми нитками, но весьма красноречива.

Си Тин лишь устало прикрыл глаза.

Потерев переносицу, он тяжелым шагом проследовал в кабинет. Опершись одной рукой о край стола, полковник приподнял чашу с ярко-алым снадобьем, брезгливо поморщился и перед тем, как осушить ее, негромко бросил роботу:

— Запишись на курсы повышения эстетического вкуса.

— Обычные галактические программы более не способны удовлетворить мои изысканные запросы, — вежливо отозвался робот-дворецкий, мигнув индикаторами. — Я перешел на изучение канонов красоты династии Дашэн. Данный оттенок признан главным пиком моды нынешнего сезона при дворе. Я лично слышал, как почтенные наложницы в гареме вздыхали о нарядах багряного цвета. К тому же наследник Ли утверждал, что вкусы императорской семьи служат главным ориентиром для всей империи. А поскольку в Федерации сейчас безумно популярен ретро-стиль, моя эстетическая концепция находится у истоков абсолютного совершенства.

Си Тин промолчал.

— Если бы тебя не прислала моя матушка... — пробормотал он сквозь зубы.

Глаза его полуприкрылись — то ли от хмельной усталости, то ли от бессилия спорить с бездушной жестянкой. Не договорив, он тяжело опустился в кресло.

Его взгляд скользнул к мерцающему терминалу голографической игры.

Малыш не читал.

Ребенок, который обычно не выпускал свитки из рук, сейчас просто лежал, уткнувшись подбородком в ладони, и замороженно разглядывал травяную ловушку со светлячками, время от времени легонько подталкивая ее крошечным пальчиком.

[Почему ты не читаешь?]

Заметив проступившие символы, Юй Нин мгновенно подобрался и уставился на свиток:

— Ты вернулся!

Си Тин негромко выдохнул в знак согласия. Он заметил, что глаза мальчика блестят от

непролитых слез.

[Ты ждал меня? Говори прямо, что случилось.]

Юй Нин замялся, покусывая губы, но все же негромко спросил:

— Моя матушка... правда погибла из-за меня?

Си Тин опешил. Что еще за странные мысли?

Он жестом приказал роботу быстро извлечь данные о событиях сегодняшнего дня в игре.

Ознакомившись с отчетом, полковник понял, откуда растут корни детской печали, но искренне не понимал, почему ребенок спрашивает об этом именно его. Неужели мелкий решил, что раз его сумели поднять к небесам на воздушном шаре, то этот таинственный собеседник всезнающ и всемогущ?

Взглянув на дрожащие ресницы мальчика, Си Тин проглотил суровую отповедь. Помолчав секунду, он набрал на клавиатуре:

[Если твоя матушка решилась подарить тебе жизнь вопреки слабому здоровью и возрасту, это доказывает лишь одно.]

Мальчик не отрывал блестящих глаз от экрана, готовый безоговорочно поверить каждому слову.

[Она очень тебя любила.]

Юй Нин застыл, вчитываясь в светящиеся знаки.

— Правда?..

[Чистейшая правда. Так мне сказала одна мать.]

Разумеется, речь шла о госпоже Линь, которая произвела Си Тина на свет в возрасте шестидесяти пяти лет. Верил ли сам полковник в этот сентиментальный бред — дело десятое, но его родительница утверждала это с полной убежденностью.

Юй Нин долго смотрел на надпись, словно пытаясь осознать ее смысл, и вдруг его лицо озарилось счастливой улыбкой.

Си Тин озадаченно приподнял бровь. С чего это вдруг такая реакция? Неужто в нем внезапно проснулся дар великого утешителя, в который кто-то действительно поверил?

А Юй Нин уткнулся лицом в сложенные руки и тихо, но невообразимо радостно рассмеялся.

Ранее таинственный голос из «небесного писания» упомянул, что некто доверил заботу о нем. В земной юдоли у Седьмого принца, за вычетом императорской родни, не осталось ни души. Ни один смертный не мог просить о подобном покровительстве, а уж тем более обращаться к духу, запертому в чудесном артефакте.

Юй Нин пришел к единственному логичному выводу: это могла устроить только его покойная матушка, взирающая на него из небесных чертогов.

Раз уж в его руках оказался сам божественный свиток, подобная мысль не казалась безумной — напротив, она выглядела единственно верной. Отныне он твердо верил, что невидимый покровитель как-то связан с его ушедшей матерью, а значит, является самым близким ему существом. Тем более что этот защитник с легкостью разрешал любые его невзгоды и казался поистине всемогущим.

Юй Нин больше всего дорожил этими ночными часами. В эти мгновения ему чудилось, будто матушка незримо присутствует рядом, а грозный и мудрый хранитель оберегает его покой.

К тому же этот покровитель сослался на слова некоей матери.

«Это моя матушка передала ему, что любит меня!»

Сомнений не оставалось: именно ей этот загадочный дух дал клятву оберегать ее дитя. И Юй Нин верил ему безгранично.

Тягостные думы и страхи, мучившие его весь день, испарились без следа. Черные тучи над его головой разошлись, уступив место теплему весеннему солнцу.

Оставалась лишь одна неразгаданная тайна:

— Но как же тогда... кончина моей матушки?

[Разве тебе никто не рассказывал об этом?]

— Все говорят разное, — вздохнул Юй Нин. — Мне кажется, от меня утаивают правду. И эта неизвестность не дает мне покоя.

[Раз в твоём сердце живет сомнение, найди в себе силы докопаться до истины.]

Юй Нин изумленно округлил глаза.

А мгновение спустя его лицо вновь озарила светлая улыбка.

Действительно, к чему изводить себя бесплодными метаниями и слепыми подозрениями? Не лучше ли самому рассеять туман лжи и разгадать эту тайну?

Вся нерешительность и страх отступили, открывая перед ним ровную, пусть и уходящую за горизонт дорогу, по которой он теперь пойдет без колебаний.

— Понимаю. Я найду ответ.

[А теперь ложись спать.]

Однако Юй Нин остался сидеть на месте, погружившись в глубокую задумчивость.

Си Тин, собиравшийся уже подняться из-за стола, набрал:

[Что-то еще?]

Мальчик, чья душа за этот долгий день перенесла слишком много потрясений, все еще пытался совладать с вихрем чувств. Увидев новый вопрос, он на мгновение растерялся, не зная, как выразить то, что теплилось на самом дне его сердца.

[Желаешь получить что-то конкретное?]

Юй Нин задумался. Он уже получал от своего покровителя удивительный самострел, парил над землей, наслаждался его незримым присутствием и наставлениями. Казалось, для этого существа нет невыполнимых просьб.

И тогда хрупкое дитя, весь день старавшееся казаться сильным и невозмутимым, робко повернулось к экрану и, протянув вперед тонкие ручонки, тихо пролепетало:

— А можно... обнять тебя?

В его глазах все еще дрожала влага, но теперь она лишь придавала взору кристальную чистоту. Длинные пушистые ресницы мягко обрамляли распахнутые веки, и в этом доверчивом, полном надежды взгляде было столько детской беззащитности, что ледяная броня любого сердца растаяла бы без следа. Особенно когда он сидел вот так, с надеждой протягивая ладони к

холодному стеклу.

У стоявшего в углу робота-дворецкого от умиления зашкалило процессоры, и он картинно прижал манипуляторы к грудной пластине, зависнув на несколько секунд.

Длинные пальцы Си Тина замерли над клавиатурой. Резкий, сухой стук клавиш нарушил тишину кабинета. Полковник хранил молчание.

Юй Нин поспешно опустил руки и смущенно потер щеку:

— Я... я глупость сморозил. Прости. Знаю, что это невозможно. Я не всерьез.

Порыв угас, и он вновь принял привычный благонравный и послушный вид. Но стоило ему соскользнуть со стула, чтобы пожелать покровителю доброй ночи, как взор его приковало к экрану. Глаза мальчика распахнулись от изумления, а на самом дне заплескались искры искреннего восторга.

На поверхности «небесного свитка» возник яркий цветной рисунок.

Юй Нину уже доводилось видеть чертежи, когда они создавали самострел, но то были лишь сухие схемы. Сейчас же с экрана на него смотрел он сам. Там, с пугающей точностью до мельчайшего жеста, был запечатлен он — тянущий ладони навстречу невидимому другу.

Но на рисунке он был не один. Его обнимали.

Высокий мужчина в диковинных черных одеждах склонился над ним, бережно прижимая к себе. Юй Нин не мог разглядеть его лица — незнакомец стоял спиной к зрителю, — но заметил благородную проседь в его темных волосах.

Мужские руки, длинные и бледные, обхватывали хрупкое тело мальчика, а широкая ладонь почти целиком закрывала его узкую спину. Хранитель держал его крепко и надежно — точь-в-точь как тот таинственный спаситель в полузабытом сне, который вынес его из ледяного плена зимней стужи.

Юй Нин заворуженно созерцал картину, пока свечение экрана плавно не угасло.

— Ах... — вырвалось у него, и лишь мгновение спустя он прошептал в пустоту: — Доброй ночи.

Мальчик бережно взял со стола травяной фонарик, подошел к ложу и, нежно погладив прутья, подвесил его к балдахину. Улегшись на постель, он долго наблюдал за хаотичным танцем зеленых огоньков.

Вдруг один самый крохотный светлячок отыскал лазейку между переплетенными стеблями и вырвался на волю, закружившись под потолком.

На губах Юй Нина заиграла безмятежная улыбка.

Все страхи, тревоги и сомнения, терзавшие его душу, внезапно показались такими ничтожными. Они, подобно этому дерзкому светляку, легко вырвались из тесной темной клетки его разума и растворились в ночной тишине.

Тем временем в кабинете полковника робот-дворецкий бесстрастно констатировал:

— Вы завершили сеанс связи на десять минут раньше обычного. Малыш даже не успел пожелать мне доброй ночи.

Си Тин проигнорировал замечание. Но упрямая машина и не думала умолкать:

— С чем связано подобное решение? И еще один вопрос: когда вы в следующий раз решите отправить ему смоделированное изображение с объятиями, могу ли я также присутствовать на снимке? Я имею на это полное право. Как известно, верность измеряется часами, проведенными вместе, а я нахожусь рядом с ним дольше всех, с утра и до глубокой ночи. Моя преданность не знает границ.

Си Тин молча нажал кнопку принудительного отключения питания. Робот мгновенно затих.

Спустя десять минут резервные аккумуляторы робота накопили достаточно энергии для автозапуска, и он послушно замер в углу кабинета, не смея издавать ни звука.

Си Тин сидел, прикрыв глаза. Антипохмельный отвар постепенно прояснял разум, хотя в глубине темных зрачков все еще угадывался хмельной туман.

— Выведи на экран запись падения девчонки, — хрипло приказал он.

Осознав, что сейчас хозяин не расположен к долгим беседам, робот без лишних слов спроецировал видеозапись в воздух.

Но даже электронный разум не выдержал при виде грустного личика мальчика. Рискую вновь быть обессточенным, робот жалобно проскрипел:

— Наш малыш так несчастен. Услышав жестокие слова этой скверной девчонки, он просто не справился с потрясением и судорожно сжал поводья. Вина целиком лежит на ней, а наказание почему-то несет невинный ребенок.

Даже бездушный механизм сочувствовал маленькому принцу.

Си Тин коснулся сенсорной панели, возвращая запись к моменту разговора. Он пристально вглядывался в лицо Юй Нина, сидевшего верхом на пони.

Визгливый голосок Четвертой принцессы резал слух. Каждое ее слово метило точно в сердце ребенка, заставляя его цепенеть от растерянности. Мальчик выглядел испуганным и раздавленным, его пальцы судорожно вцепились в поводья.

Си Тин замедлил воспроизведение именно на этом моменте.

Он слегка прищурился, и на его губах заиграла ленивая, подернутая легким хмелем усмешка.

Робот-дворецкий удивленно мигнул оптическими линзами. Не будь он столь жестоко наказан ранее, он непременно полюбопытствовал бы, что вызвало веселье хозяина.

— Удалось установить местонахождение моего брата? — спросил Си Тин.

Робот немедленно спроецировал на стену карту звездного сектора, очертив сияющим кругом обширную область:

— Сигнал запеленгован здесь. Точные координаты планеты пока не определены.

Си Тин даже не взглянул на соседние космические тела. Его взор намертво прикипел к одной-единственной точке.

— Он на планете Биша, — безапелляционно заявил он. — Проверь местную научно-исследовательскую базу.

Опершись о край стола, полковник поднялся во весь рост. Его взгляд вновь скользнул к темному экрану игрового терминала.

— Подготовь полетный лист на планету Биша. Вылетаю в кратчайшие сроки.

Робот-дворецкий, вновь балансируя на грани очередного отключения, тихонько пробормотал:

— А вас там... не поколотят?